

The background is a dark blue night sky. At the top center is a large, detailed full moon. Scattered throughout the sky are numerous white stars of varying sizes. A prominent shooting star, depicted as a long white line with a bright star at its tip, streaks diagonally from the upper left towards the center. The scene is framed by the dark, gnarled branches of trees, which are rendered in a brownish-grey color. The overall style is whimsical and illustrative.

Пана Земницкая
Верни звёздочку
на небо

Лана Земницкая

Верни звезду на небо

«Издательские решения»

Земницкая Л.

Верни звезду на небо / Л. Земницкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590350-1

В последнее время жизнь четырнадцатилетней Жени Стрельцовой стала просто невыносимой! Её отец открывает собственный планетарий, мама вечно с ним ссорится... Как же хочется, чтобы всё это наконец закончилось! Именно такое желание Женя и загадывает на падающую звезду. И надо же — оно исполняется! Но теперь ей, вдруг оказавшейся в теле своей собственной куклы, предстоит как-то отменить это желание. И единственный способ это сделать — вернуть звезду на небо...

ISBN 978-5-00-590350-1

© Земницкая Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Женя	6
Глава 2. Джек	14
Глава 3. Лина	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Верни звезду на небо

Лана Земницкая

© Лана Земницкая, 2022

ISBN 978-5-0059-0350-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Женя

Это был ужасный вечер.

Как и десятки вечеров до этого. Или сотни. Или, может быть, даже все пять тысяч двести семьдесят восемь вечеров, что Женя Стрельцова успела прожить.

Она стояла посреди своей комнаты, не понимая, как оказалась здесь, в этом душном «сегодня». У неё не получалось вспомнить последнего нормального «тогда».

– Ты не думаешь о нас! Ты не думаешь о своей дочери! – раздалось через две стенки женским голосом. И ладно бы – где-нибудь в другой стороне, чтобы точно знать, что о своей дочери не думает кто-то другой, но... Нет, Женя прекрасно понимала, что это она – та самая дочь.

Что именно *о ней* не думают.

– Аня, я прошу тебя – потерпи ещё немного. Кто же знал? – слабо сопротивлялся мужской голос первому, напористому.

– Я знала! Я знала, что это плохо кончится. И что ты собираешься делать? Продать нашу квартиру?!

– Аня, пойми, я...

Дальше девочка не слушала. Она знала, чем всё кончится: сейчас её родители разругаются. Через несколько минут кто-нибудь куда-нибудь уйдёт, как всегда: может быть, отец – вот только ему сегодня уже некуда идти, ведь он только вернулся домой, принеся с собой новости, из-за которых и разразилась ссора. Может быть, мама – и тогда Жене придётся идти вместе с ней. К бабушке Лене и дедушке Саше, и плевать, что на улице скоро стемнеет. Мама заберёт машину, сумку с вещами, сядет за руль и оставит скандал позади.

Вот только на заднем сидении, будто бы вместе с этим скандалом, будет и она, Женя. Тоскливо обнимет сумку, сжимая в руках телефон, и начнёт крутить в наушниках новые песни, в надежде, что они ей помогут. Но они не помогут – лишь начнут ассоциироваться с очередным ужасным вечером. И сбежать никуда не выйдет – даже под обложку любимого скетчбука, рисунки в котором становились всё более и более мрачными.

– Твой планетарий для тебя важнее всего! – раздалось уже в коридоре. Девочка вздрогнула – это нельзя было не услышать.

Она глубоко вздохнула. Что-то в горле, какой-то болезненный горячий комок, помешал воздуху. Да, наверное, это было так.

Всё началось с того дня, когда... нет, на самом деле, всё началось довольно давно. Наверное, ещё до её рождения: когда мама с папой познакомились, он уже был увлечён звёздами – учился на астронома, подрабатывал в местной обсерватории, и даже на первое свидание свою будущую жену привёл туда же. Выпросил ключи у пожилого профессора. Показал огромный телескоп, разные созвездия, а потом – расстелил на полу плед и налил из термоса чая. Максим был сплошным очарованием – так всегда Жене говорила мама.

После окончания университета они поженились. Всё было как у всех. У папы – работа в научном институте, у мамы – устройство уюта в квартире в академгородке, который был настоящим маленьким мирком. Идеальная семья с картинки.

Когда за их городок взяли местные власти, жизнь стала ещё лучше. На базе научного института, где работал отец Жени, открылся детский образовательный центр – «Нейтрониум». Молодой инициативный Максим устроился и туда – работать с детьми, заражать их своей любовью ко звёздам. В Нейтрониуме было много возможностей, разных направленностей – и девочка часто там бывала вместе с ним. Они ходили смотреть, как другие ребята создают

приложения для телефона и настоящие компьютерные игры. Как делают настоящих роботов, умеющих ходить, говорить, летать...

Но там не было обычных скучных традиционных групп, где обучали бы, например, рисованию или пению. Женя везде чувствовала себя чужой, этаким паразитом, который присасывается к тем людям, которые действительно что-то умеют. Ей было стыдно за подарки, которые делали родители, поощряя какие-то её увлечения – она начала бояться за что-то братья. Вот ей уже одиннадцать лет, тринадцать – разве не поздно в этом возрасте начинать что бы то ни было? Может, ей стоит просто принять тот факт, что она – скучная и обычная, и начать радовать родителей хотя бы отличными оценками?

Но наступал очередной снежный день, и отец снова вместо школы брал её с собой в Нейтроний. Девочка снова пробовала что-то сделать, вдохновлялась и фантазировала. Пыталась общаться с ребятами. И к вечеру неизменно чувствовала упадок, когда родители обсуждали на кухне чужие успехи.

И вот совсем недавно случилось Большое Событие, которое должно было многое изменить: работа отца Жени дала плоды. Со своим другом, Егором, он в очередной раз подался на какой-то форум – туда же, где участвовали все эти чужие талантливые дети. И случилось чудо: их проект получил финансирование. Девочка не до конца понимала, но чувствовала, как её отец будто бы ожил, когда добился своего – когда его мечта о собственном планетарии вдруг стала реальностью.

Но реальность всегда была жестокой штукой. Ей было недостаточно одного везения и энтузиазма – она отнимала много сил и требовала расчётливости. Романтики и идеи – мало.

В их городке было всего одно место, которое притягивало людей вне зависимости от возраста – большой торгово-развлекательный центр. Там было всё: всевозможные магазины, салоны красоты, кинотеатры, игровые площадки для детей, кафе – это был будто бы ещё один мирок внутри другого. Именно туда приходили отдыхать и работать, во всём городе не было человека, который бы ни разу не был в этом торговом центре. И так получилось, что именно в тот момент, когда отец Жени получил финансирование, в «Таун Холле» имелась свободная площадка – освободилось место на одном этаже с игровой комнатой.

Идея казалась очевидной и простой: популярное место – множество посетителей. Возможность привлекать детей и взрослых, возможность получить, так прозаично, больше денег, чтобы открыть ещё один планетарий где-нибудь в городке – уже в собственном здании. Ну а вдруг?..

Но «вдруг» не сработало. Ещё более прозаично в планы Максима вписался хозяин торгового центра: сегодня, всего за пару дней до открытия, полноватый и малопривытный мужчина, похожий на купца из учебников по истории, намекнул – он собирается повысить цену аренды помещения, в котором уже практически жила Мечта.

– Вы должны были понимать, что вам не удастся конкурировать с популярностью игровой площадки, – насмешливо сказали отцу Жени. Она тоже была там этим вечером, как раз каталась на гироскутере на той самой пресловутой площадке. Что-то внутри сжалось у неё, отзываясь на эти слова, когда отец растерянно посмотрел в её сторону, будто ища поддержки. Девочка отъехала подальше, наивно желая избежать этого противного чувства вины, которое стало уже привычным. Но это не помогло: и вот сейчас её родители ссорились из-за слов какого-то чужого равнодушного ко всем чужим мечтам человека. Почему бы не поссориться с ним? Впрочем, Женя понимала свою маму – на самом деле ей тоже уже страшно надоело всё время слышать только о планетарии. Редко кто в этом доме говорил о чём-то другом и до победы на конкурсе форума, а уж теперь...

Что же, как стало ясно – хоть девочка и не стремилась это услышать, но всё же услышала, – этот малопривытный «купец» прозрачно намекнул её отцу этим вечером, что ему стоит поискать деньги, если он хочет остаться в Таун Холле.

– Он сказал, что у нас нет *изюминки*. Что планетарий не окупит себя, если там не будет чего-то особенного, – именно с этих слов Максима сегодня и началась ссора. Вернее, она началась немногим позже, когда он начал рассуждать вслух, пытаясь как-то решить проблему – и едва не добрался до варианта с продажей квартиры.

Жене здесь нравилось. И потому она прекрасно понимала свою мать, когда та закричала:

– Ты совсем с ума сошёл?! Где мы будем жить?!

– Я ещё ничего не решил, Аня, это всего лишь...

– Не смей!.. И машину – не смей, твоя дочь сто лет не видела моря, мы обещали ей поехать в этом году!..

Она открыла глаза. Злые и болезненные слова прозвучали снова – совсем рядом, будто ссора перемещалась на кухню, и шум – вслед за ней. Ещё немного, и эта ссора распахнёт дверь в её комнату, отнимет у неё уют, пространство, и заставит выбираться в этот мутный прохладный июньский вечер. Нет, Жене не нужно этого, ей так хочется остаться дома, ей хочется, чтобы это всё просто кончилось, ну почему всё не может просто взять и закончиться прямо сейчас?..

Девочка огляделась. Звуки были очень близко. Кажется, будто шум и крик уже протянули когтистые лапы к ручке её двери.

На глаза ей попала полка шкафа. Там были заботливо рассажены любимые игрушки из беспечного детства, когда Женя ещё наслаждалась своим непониманием этого мира. Обычно это было как лучик света, но в этот раз их пустые, кукольные, бездумные взгляды неожиданно будто бы обожгли её. Задели.

Девочка подошла ближе к шкафу, отступая подальше от двери. Почувствовала, как её собственные живые, человеческие глаза, щиплют горькие слёзы обиды – непонятно на кого. Все эти фигуры, все эти раскрашенные куски пластика, бусинки – их существование казалось таким простым и спокойным. Их никто не делил – а если и делили, то им было плевать. Их не волновало, кому они принадлежат. У них не было этих разрывающих всё тело эмоций, от которых можно было физически устать.

Она протянула руку к одной из кукол. Самая старая и некрасивая, как Женя с детства считала – Лина. Дурацкий розовый сарафан, кривые ноги, кривые руки, глупые глаза, которые закрываются, если кукла лежит на спине. Мягкое тело – просто мешок, в который вшит давным-давно не работающий диктофон с какими-то фразами, которые ей даже не довелось услышать, настолько Лина была старой. Раздражающие спутанные светлые волосы, собранные в высокий пучок и навсегда застывшие в таком состоянии – в детстве девочка пыталась расчесать эту куклу, но мама запретила ей, боясь, что Лина останется совсем без волос.

Она была, кажется, очередным бесполезным подарком от бабушки и дедушки. Или, может, от крёстных – тёти с дядей? В любом случае, Лина была свидетелем взросления не одной только Жени. И что? Ей было всё равно. Она покорно лежала в руках у своей очередной хозяйки, бездумно подчиняясь ей. У неё не было никаких забот. Почему у какой-то дурацкой куклы жизнь была лучше, чем у такой живой, настоящей, современной и вполне себе симпатичной Жени?

– Хорошо тебе, – зло сказала девочка, слыша, как у неё дрожит голос. Это сделало резь в глазах вообще невыносимой. – Ты *тупая*. Вещь. Ты ничего не чувствуешь. Хотела бы я быть на твоём месте, – и она бросила куклу обратно на полку – небрежно, обиженно, уже слыша, как кто-то действительно открывает дверь в её комнату. В груди всё сжалось от дикой обиды – но Женя не хотела никому показывать своих слёз. Она была не вправе выбирать, с кем ей оставаться. Она никого не хотела обижать.

Но в последней попытке скрыться от приказа собирать вещи, девочка отступила к окну. Подняла голову, оглядывая необычную и любимую ею улицу. За время ссоры родителей уже

заметно стемнело – это был такой насыщенный тёмно-голубой вечер, из тех самых июньских вечеров, которые сопротивляются тьме до последнего. Фонари были на грани того, чтобы зажечься. Прежде, чем они это сделали бы, Женя посмотрела на небо. Звёзды были так далеко, и им тоже было, в общем-то, плевать, есть ли в их честь планетарий на каком-то маленьком синем куске камня.

Снова всплыло перед глазами пустое и слегка чумазое от застаревшей пыли лицо *тупой* Лины.

– Ты ничего не чувствуешь, – повторила себе под нос девочка. Сглотнула застревающий в горле комок. – *Хотела бы я быть на твоём месте.*

– Женя? – раздался сзади голос. Девочка глубоко вздохнула, оторвала взгляд от улицы – моргнула, увидев, как разом вспыхнули фонари. Уже собралась обернуться, но краем глаза заметила что-то – какое-то движение.

Совсем близко. Очень ярко.

Слишком...

Почему-то вместо маминого лица перед собой Женя увидела тьму – и вместо тёплого ворса ковра под ногами ощутила нечто, похожее на свободный полёт.

И короткий удар.

Издали, словно сквозь вату, послышался знакомый звук – звонок телефона. Такая слегка надоедливая мелодия из позапрошлого десятилетия. Этот звук странно отразился в голове, будто бы лёгким эхом, вибрацией.

– Ты можешь убрать свой телефон хотя бы на минуту? – мамин голос, осуждающий, но тихий. До девочки дошло – похоже, она упала в обморок. Может, родители подумали, что она сделала это демонстративно, но Женя точно помнила, как у неё отчего-то закружилась голова. Да и судя по вопросу, осуждение в мамином голосе было адресовано не ей: – Я ведь говорила – у нас есть *дочь*, мы должны думать о ней.

Кто-то коснулся плеч, подтягивая выше. Появились силы поднять почему-то слишком тяжёлые веки. Девочка уже была готова выпалить что-нибудь – может, по-детски попросить родителей перестать ссориться, может, попробовать сыграть на их чувствах – как бы это ни звучало, – чтобы остаться дома, но...

Слова застряли у неё в горле, когда она поняла, что родители сидят вовсе не рядом с ней.

Вернее – *рядом*, но не с *ней*.

Ещё вернее... Женя увидела саму себя со стороны. Мама сидела возле неё, каким-то образом оказавшейся уже не на полу, а на кровати, папа нервно стискивал в руке телефон, разрывающийся от чьих-то тревожных звонков.

Девочка подумала бы, что она оказалась в каком-то сне, как во множестве странных историй, которые она читала в Интернете, но случилось кое-что совсем уж *дикое*: она открыла глаза. Не она сама, а её тело, на которое Женя смотрела с... где она вообще?

Девочка осторожно повернула голову. В глаза ей полезли светлые волосы, но совсем не такие, как были у неё – не живые и тёплые, а спутанные и какие-то жёсткие, будто ненастоящие.

Женя бы судорожно глотнула воздух, но только сейчас в полной мере осознала, что ей это не особо-то и нужно. Ей не удавалось издать никакого шума. Девочка отчаянно оттолкнулась руками, пытаясь сесть самостоятельно – и, наконец, *увидела*.

Увидела свои кривые ноги. Свои пластиковые пальцы. Розовый застиранный сарафан, который она бы никогда в жизни не надела.

И лица тех, чьи руки были на её плечах.

Одна из кукол *моргнула*. Отчётливо, как человек, и взгляд её больше не был пустым – он был наполнен тревогой.

Это вообще было реально?

Женя – её тело, за которым было так дико смотреть со стороны, – медленно опустила веки. Тяжело, будто непривычно, вздохнула. В повисшей тишине снова противно зазвонил телефон – отец неуверенно сделал шаг назад, будто отступая. Мама – притихшая, переставшая кричать, такая тёплая и уставшая, – едва заметно покачала головой, тоже опуская веки. Поднялась, одним взглядом подтолкнула своего мужа к двери – вон из комнаты. Оглянулась на дочь, закусила губу, и тоже покинула помещение.

– Ответ на этот чёртов звонок, – тихо сказала она, едва прикрыв за собой дверь. – Отвечай сейчас, и мы пойдём к дочери.

– Лина? – раздался чей-то незнакомый голос над самым ухом у девочки. Женя вздрогнула, подняла голову. Это было похоже на бред, на безумный сон – но всё происходило на самом деле: куклы, рядом с которыми она находилась, неловко поднялись на ноги, только лишь чтобы склониться над ней и заглянуть ей в глаза. – Лина, что случилось? Ты нас напугала... – и у них *правда* шевелились губы, когда они говорили. Яркие пластмассовые маленькие губы, в которые даже нельзя было вставлять соску, как в новомодные игрушки, *шевелились* сами по себе.

– Что происходит?.. – говорить с этим новым принципом дыхания было так странно, словно воздух поступал откуда-то извне во всё её тело. Кукла в зелёном клеёнчатом платье вздрогнула, отстраняясь от девочки. В её распахнутых глазах было ненормально много эмоций для раскрашенного пластика.

– Это не она, – раздался ещё голос, и с другой стороны к Жене наклонилась другая кукла. – Это... Это хозяйка, – темноволосая и смуглая Наташа была не столь подвижна, как её подруга. Но и её глаза были *слишком* живыми сейчас. – Это голос хозяйки!

– Но где тогда Лина? – третий голос, высокий, тонкий и нежный. Девочка кукольно хлопнула глазами, уже боясь поворачиваться к говорящей.

Кукла в зелёном платье – Даша, если Жене не изменяла память, – перевела взгляд на её лежащее в кровати тело.

– Нет, – Наташа склонила голову, покачала ею – невозможно, ведь всё её тело было жёстким, малоподвижным. – Нет, ты же не думаешь, что они...

Девочка дёрнулась от неожиданности, когда Даша наклонилась совсем близко к её лицу и заглянула в глаза. Теперь она была крупнее неё и казалась уж слишком большой.

– Они – *да*. Они поменялись местами.

– Но как? – всё тот же третий голос, негромкий стук – и Женя с опаской всё же подняла взгляд выше. С какой-то старой металлической коробки к ним слезала ещё одна кукла – Варя. Маленькая, худенькая, модельной внешности – с едва заметным браком на шее.

Дверь в комнату опасно дрогнула – кто-то держал ручку двери и собирался войти. Игрушки немедленно притихли, настороженно глядя в одну и ту же сторону. Никто не вошёл – и девочка услышала, как отец набирает какой-то номер на телефоне. Её мать молчала – и ничего хорошего, наверное, это не означало.

– Поднимаемся, – тихо сказала Даша, едва заметно шевельнув губами. – И идём это выяснять, – её взгляд метнулся куда-то к другим полкам шкафа, который сейчас был больше похож на лабиринт, чем на предмет мебели.

– Ты думаешь, он в курсе, как такое может произойти? – с сомнением в голосе спросила Наташа. Её подруга пожалала плечами, выпрямляясь.

– Вот и узнаем, – сказала она. Взглянула на Женю. – Вставай. Или ты *правда* хочешь остаться *тупой* вещью?

И это невозможное – *обида* в голосе той, кто не мог ничего чувствовать, – и подтолкнуло девочку.

Дало тот самый импульс, чтобы подняться на ноги и поспешить за новыми – старыми? – знакомыми, прежде чем дверь в её комнату снова откроется.

– То есть, это всё из-за какой-то звезды? – наверняка, если бы у кукол были лицевые мышцы, Даша сейчас морщила бы лоб, глядя на маленького потрёпанного тигрёнка, который достался Жене давным-давно – настолько, что был, наверное, раза в два её старше.

Тигряша едва заметно качнул головой – несуразно пошевелился всем корпусом при этом. Все куклы – и зайчик в очках, что сидел рядом с Тигряшей, одновременно посмотрели на девочку.

– Я не понимаю, – наконец, сказала она. – Это всё сон, ведь так? Так не бывает, – Женя оглянулась назад – туда, где на кровати лежала, вроде бы как, она сама. – Я просто стукнулась головой и сейчас проснусь.

– Я бы тебя с удовольствием ушибнула, – с вызовом сказала Даша, – но ты вряд ли это почувствуешь. Впрочем, не этого ли ты хотела?

– Успокойся, – коснулась её руки Наташа. – Я не думаю, что нам стоит сейчас ссориться. Нам нужно решить проблему, а не обвинять кого-то в том, что это вообще случилось, – Тигряша вновь качнул головой. Кукла взглянула на него. – И как... как нам это исправить?

– Да не могла я поменяться телами с какой-то игрушкой из-за того, что психанула в тот момент, когда в атмосферу вошёл кусок космического булыжника! – не выдержала девочка. Все замолчали. – Такого не бывает. Звёзды не падают с неба, это просто метеориты, *камни*, в которых нет никакой особенной силы!

– Тем не менее, ты до сих пор не «проснулась», – мягко возразил Тигряша. Голос его был низким, чуть скрипучим – как у какого-нибудь доброго старого волшебника из сказки. – И я вижу, ты понимаешь, что не проснёшься. Тебе стоит принять, что наш мир реален – только тогда мы сможем помочь тебе.

– Помочь *ей*? – снова вспыхнула Даша. – Она отняла у нас подругу!

– И, если мы не поможем Жене вернуть всё на свои места, Лина так и не вернётся, – невозмутимо сказал Тигряша. – Всё так и останется, – Даша поджала губы, отворачиваясь.

Девочка снова бросила взгляд в сторону приоткрытой двери. Стена шкафа была некоторым укрытием от взглядов родителей – впрочем, они пока что сюда и не смотрели. Женя с усилием опустила веки и рывком, очень легко, их открыла. Мир ощущался совершенно по-другому. Вместо равномерно мягкой кожи по всему телу теперь чувствительность изменилась: пластиковые руки, ноги и голова тонко реагировали на любую вибрацию звука, а в мягком туловище все эти вибрации тонули, затухая на уровне груди или живота. И пусть, может быть, сердца у неё сейчас не было – но именно оно ей подсказывало: это и *правда* был не сон. Это было по-настоящему.

Последние сомнения развеяли слова, которые прозвучали по телефону – видимо, отец всё же дозвонился, кому хотел:

– Макс, – голос был радостный, взволнованный – судя по всему, собеседником был тот самый друг её отца, Егор. – Макс, собирайся. Метеоритный дождь, совсем рядом, Макс, кто-то находит камни буквально в соседнем районе, если мы найдём, у нас будет...

– У нас будет *изюминка*, – это заставило вздрогнуть – отец будто бы на секунду забыл, что стоял под дверью комнаты, где находилась его дочь без сознания. Женя почти увидела, как беззвучно нахмурилась её мать, чуть отступив на шаг назад, стиснув ручку двери до скрипа. Радости в одном только звуке дыхания отца заметно убавилось.

– И нас не закроют. Макс, жду тебя через десять минут на выезде, – звонок оборвался.

Девочка осторожно высунулась с полки, желая взглянуть на родителей. Их не было видно – только слышно, но и по звуку можно было многое понять.

Видимо, тоже уловив суть беседы, остальные игрушки притихли и приблизились к ней, сгрудились за её спиной. Было странно не слышать чужого дыхания позади себя, но при достаточном уровне фантазии, это дыхание можно было и вообразить.

– И что? – тихо спросила мать Жени. – Ты поедешь?

– Аня, я...

– Поедешь искать свою звезду? – повторила она.

– Нам ведь будет лучше, если планетарий будет приносить деньги, – голос отца показался почти беспомощным. – Это ради нас.

– Ты оставишь свою дочь в таком состоянии?

– Аня, прошу... Ты ведь сама говорила, что это из-за духоты, и всё будет в порядке. Ей нужно поспать. Я вернусь, как только смогу, – шум и шорох, непривычно громкий, будто отец складывал что-то в свою рабочую сумку с кучей непонятного оборудования, или искал куртку в шкафу.

– Это из-за нас, Максим. Как ты можешь этого не понимать?

Девочка ощутила что-то странное – похожее на всё ту же боль, которая терзала её до этого, но без физического отражения где-нибудь в горле или груди. Без холода где-нибудь в животе. Это было до того непривычным, что даже напугало её. Ей не хватало нормального человеческого тела. Она не могла выразить свои чувства, не имея возможности даже просто поплакать. *Это* было существованием куклы, которой Женя имела глупость позавидовать? Тело можно было хотя бы обмануть, заставив себя улыбаться. Оно было умным, но доверчивым зверем, держащим оборону. Спасало душу, принимая удар на себя: иногда, видимо, буквально – падая на пол от перегрузки.

Девочка сделала привычное движение – правда, впустую, – попытаться по привычке сглотнуть комок эмоций, застревающих в горле. Рывком отвернулась от стенки шкафа. Взглядом – удивительно чётким, никаких расплывающихся контуров из-за слёз, – нашла окно.

Открытое окно. Мама заботилась о ней явно больше, чем отец.

Как и этот потрёпанный безусый тигрёнок. Почему не поверить в то, что он может знать, как исправить *невозможную* ситуацию, если всё на самом деле *до ужаса* похоже на правду?

– Так, – голос у неё всё же прерывался – ну и плевать. – Что нужно сделать с этой звездой, чтобы всё вернулось обратно?

Тигряша прищурился бы, если бы мог. Секунду он смотрел на неё своими тёмными глазами – будь сейчас у Жени настоящая кожа, наверное, по ней пробежали бы мурашки. Сколько ночей в глубоком детстве она провела, вглядываясь в эту мордочку? Сколько часов в упрямой детской вере упрашивала игрушки ожить и пообщаться с ней?

Может, взрослея, она потеряла внутри самой себя ту искру, что давала ей возможность различать в стекляшках-глазах какие-то эмоции? Наверное, так и было. Сложно не потерять искру, когда все вокруг лучше тебя.

Где-то в коридоре зазвенели ключи у входной двери. Мама оглушающе молчала.

– Мы постараемся как можно скорее, – виновато прозвучал голос отца. Девочка не отвела взгляда от мордочки Тигряши, хоть и вся внутренне сжалась.

– Нужно вернуть звезду на небо, – наконец, сказал он. – Найти. И вернуть. Как можно скорее.

– Но... как? – должно быть игрушки позади Жени молча переглянулись, потому что Тигряша прибавил:

– Думаю, что не в одиночку. Как именно – тебе нужно разобраться самой.

– Но я понятия не имею...

– Я пойду, – спустя секунду молчания раздался чей-то голос. Девочка оглянулась – к ней подошла Наташа, стучащая по полке своими жёсткими малоподвижными ножками. Ответила на немой вопрос Даши, которая немедленно воззрилась на подругу, едва услышала эти слова: – Я помогу ей в поисках. Мы должны вернуть Лину.

– Ты не пойдёшь одна, – тут же воспротивилась Даша.

– Не пойдёт, – согласилась Варя, легко переступая длинными худыми ногами через какой-то сувенир, что валялся на полке. – Я пойду с ней.

– Вы же понятия не имеет, что делать с этой звездой, даже если её найдёте, – Даша решительно преградила путь Варе. – Это глупое решение. Она заварила эту кашу, пускай топают одна!

– И повредит тело Лины? – не уступила Варвара. – Ты хочешь, чтобы она застряла где-нибудь одна, и мы бы даже не знали, цела ли она? А что будет, если кто-то найдёт её и сломает, вдруг они обе погибнут в таком случае? – несмотря на заметное внутреннее сопротивление, Даша всё же отступила назад. Будто бы ступевалась. – Мы будем с ней, чтобы помочь. Женя понятия не имеет о том, как устроен наш мир.

– А за пределами дома ты очень часто была? – буркнула Даша, явно не желая уступить.

– Я был, – раздался вдруг голос, который девочка не слышала до этого. Милый зайчик в жёлтом комбинезоне в клетку и очках без линз неловко оттолкнулся от стенки шкафа, к которой был прислонён. Тигряша немного отодвинулся, позволяя Зайке встать на ноги. Да, соотнести свою реальную жизнь и тех, с кем Женя прямо сейчас говорила, было сложно, но память услужливо подкинула ей воспоминание – этого зайчика она привезла из Севастополя. Родители дали ей денег с собой в лагерь, и девочка очень старалась не потратить всё, в отличие от её товарищей. Только в последний момент, когда они всей группой приехали в аэропорт, чтобы отправиться домой, Женя вдруг поняла, что так и не купила себе никакого подарка на память с этой поездки. В аэропорту был небольшой ларёк – скучая, она зашла туда и сразу же встретилась взглядами с этим зайчиком. На полке рядом сидел ещё один – точно такой же, но в розовом комбинезоне.

Нет, отчего-то девочка отдала тогда предпочтение именно этому. Может, тогда, несколько лет назад, в ней ещё был жив ребёнок с той самой искрой внутри?

Кто знает.

– Вот тебя ещё не хватало потерять, – напряжённо сказала Даша. Взгляд её стал ещё более тревожным.

– Никто меня не потеряет. А вот девочки потеряться вполне могут. Мне несколько раз приходилось самому забираться в машину, когда Женя оставляла меня на работе у её папы. Я много где был, – короткой лапкой без пальцев он поправил очки – скорее просто по привычке, чем по надобности, ведь дужки их были надёжно пришиты к его вискам.

Хлопнула входная дверь, заставив всех вздрогнуть. Зайка качнул головой в сторону открытого окна.

– Я знаю, где можно спрятаться в машине, – сказал он. Мама глубоко вздохнула где-то в коридоре, тяжело оборачиваясь к двери, ведущей в комнату, где они вели беседу. – Если бежать, то сейчас.

Секундная заминка. Даша – кто же знал, что куклы так могут, – закатила глаза. Видимо, вместо глубокого вдоха. Помедлила, но отступила в сторону, пропуская Варю.

– Хорошо, – проворчала она. Прежде, чем странная процессия двинулась бы в сторону подоконника, Даша добавила: – Но я пойду с вами. Провалитесь ещё куда-нибудь, коротышки... – и, хоть Наташа была даже чуть выше неё, Даша гордо направилась к подоконнику.

Наблюдая за тем, как эта своенравная и упрямая кукла решительно прыгает с полки шкафа прямо к окну, Женя только теперь в полной мере осознала, что сейчас ей предстоит освоить паркур.

Глава 2. Джек

Это был не самый худший вечер. Такой же тяжёлый, как и все две тысячи сто семнадцать вечеров, что неотвратимо вели к этому, очередному.

Сложно было сказать, с какого момента его жизнь пошла кувырком. Может быть, с того самого, когда его, ещё совсем нового, заметили на полке в магазине. Безымянный, полный надежд на светлое будущее и безнадежно идеализирующий своего будущего хозяина, он оказался в пакете, а потом и в какой-то квартире.

Что ж... поначалу всё было хорошо. Наверное, как и у всех новых игрушек: с ним всюду бегали, его обляпывали кашей – и потом чьи-то мягкие добрые руки заботливо чистили его шёрстку. Он бывал и в песочнице, и в снегу, и где только ни бывал – за него дрались, ругались, спорили, его обнимали во сне, щипали, тянули за лапы...

Но время шло. У него всё ещё не было имени, а его хозяин становился всё старше и активнее. В доме стали появляться новые игрушки, начали звучать новые заставки к мультикам – и обычный плюшевый мишка без особых способностей оказался переведён из разряда лучших друзей в разряд главных жертв во время разворачивающихся на полу детской военных действий.

По нему стреляли разными зарядами из пластиковых и металлических роботов. Его бросали, давили танками и пожарными машинами. И он даже перестал спасать маленькую куколку феи из-под поезда – теперь её всегда спасали супергерои.

Но каждый раз – новые. У хозяина быстро сменялись пожелания и любимчики.

А у мишки всё так же не было имени – и всё так же росло количество повреждений на шёрстке.

Однажды хозяин оказался особенно жесток с ним. Кажется, к нему пришёл кто-то из друзей: мальчишки принесли свои игрушки, другие большие танки и незнакомых роботов. Это было самое жестокое сражение, в котором мишке довелось участвовать – родители ребят были где-то в другой комнате, в квартире громко играла музыка, звучали радостные голоса и смех взрослых, и никакого надзора за детьми не было.

И вот – когда битва была окончена, и уставших мальчишек забрали шумные и весёлые родители, мишка впервые остался лежать на полу. Его не забрали и не усадили на любимое место возле книжек на подоконнике. Его не забрали в кровать. Игрушки, вопреки расхожему мнению, могли чувствовать боль: но не могли о ней закричать.

Хотя бы потому, что их парализовало от человеческого взгляда. А если кричать, когда на тебя никто не смотрит – всё равно никто не услышит. Слабая, беспомощная раса, пусть и почти такая же древняя, как само человечество.

Так мишка и лежал на полу до следующего утра, глядя в потолок и не понимая, почему стал видеть гораздо меньше, чем раньше.

Утром его наконец подобрали. Мельком он увидел себя в зеркало – теперь у него не было глаза. Мягкий, когда-то хорошо набитый ватой животик был порван, и куски набивочного материала валялись на полу. Где-то мишка успел заметить и собственный глаз – но его небрежно бросили куда-то в тёмный угол, а потом достали пылесос. Должно быть, глаз оказался среди другого мелкого сора, вроде конфетти, что были рассыпаны по всей комнате.

С того дня его не трогали... сколько? Он точно не знал. Может, год – может, больше. Или меньше? Мишка не имел возможности точно посчитать – да ему было и незачем. С ним больше не играли, его больше не чистили и не брали с собой в постель. Он слышал, как к хозяину приходят друзья, как они играют с другими игрушками – и некоторые из них время от времени присоединялись к нему в этом тёмном угрюмом месте, куда его засунули подальше, наверное,

от грозных глаз родителей. То были сломанные роботы и машинки – впрочем, машинки иногда доставали, чтобы снять с них колёса или разобрать их целиком. Должно быть, ради интереса.

Он уже смирился со своим пустым существованием – но в какой-то день всё поменялось.

Отчего-то давно уже не было слышно смеха хозяина и весёлых голосов его друзей. Слишком часто в комнате звучали голоса каких-то серьёзных взрослых людей, а родители стали чаще молчать и больше говорить шёпотом. Мишке было плохо видно из его тёмного угла – но он стал замечать, что и света в комнате стало гораздо меньше. Всё чаще открывалось окно, но всё реже раздвигались шторы.

И вот однажды, когда голоса в доме снова стихли, мишка услышал шаги возле себя. Он давно привык к ним, и уже не испытывал ложной надежды по поводу того, что его могут вытащить отсюда – но в этот раз шаги были непривычными. К полке подошёл не хозяин, шестилетний Лёва, а кто-то, кто явно был выше него и тяжелее.

Чьи-то руки скользнули по полке, отодвигая разные вещи. Роботов, которые часто стояли в неудобных позициях месяцами – лишь бы не на шуметь, попытавшись передвинуться, – ловко и быстро расставили по местам. Мишка бы зажмурился, будь он человеком – в единственный глаз ударил непривычно яркий свет.

Руки смахнули пыль какой-то мягкой шуршащей штукой. Потом помедлили – и потянулись к нему. Взяли, на мгновение притормозили – видимо, заметив разодранный живот. Прозвучал глубокий вздох, но мишку всё же не оставили на полке.

Впервые за долгое время он увидел маму Лёвы. Всегда весёлая и добрая, она казалась очень печальной и тихой, даже ничего не напевала во время уборки, как раньше. С аккуратно заправленной кровати мишка проследил за тем, как она заканчивает убираться в комнате. Может, его обманывало зрение – теперь немудрено, верно? – но лицо женщины казалось каким-то серым. Наверное, стоило бы ей улыбнуться, и эта иллюзия исчезла бы.

Закончив уборку, она вернулась к кровати, где кроме мишки, оказались ещё и некоторые роботы. Кому-то она вправила неловко вывернутые конечности, кого-то перемотала скотчем, наверное, понятия не имея, как починить их. Последним мама Лёвы подхватила мишку – и унесла из комнаты, где напоследок открыла окно, чтобы сменить застоявшийся воздух.

Она долго над ним колдовала. Набила прохудившийся животик заново, пусть уже не так плотно, как было раньше. Зашила его – в зеркале за её спиной мишка видел, что стежки были аккуратными, но их всё равно было видно. Как шрамы на телах у людей – сравнение пришло в голову, когда он заметил несколько похожих прозрачных следов на коже мамы Лёвы. У людей, значит, раны тоже редко заживали насовсем.

Минут десять, наверное, мастерица копалась в своей коробочке, когда очередь дошла до глаза мишки. Ничего не нашла – посмотрела на часы. Должно быть, хотела сходить в какой-нибудь магазин. Поджала губы, о чём-то подумав. Глубоко вздохнула и достала что-то из шкафа – какую-то большую вещь с иголками и рычажками.

Оказалось, это была швейная машинка. Мишка припомнил – ему и раньше шили костюмы. Например, однажды вместе с Лёвой они пошли на какой-то утренник, и...

Ох, да. Он узнал вещи, которые откуда-то из маленького ящичка достала мама его хозяина – это был тот самый пиратский костюм, который когда-то давно она собственноручно шила ему, смеясь и слушая весёлую музыку. Лёва, ещё совсем маленький, бегал тогда по этой комнате кругами, постоянно спрашивая, закончила ли она. Мишка ещё чувствовал себя нужным.

Теперь мама Лёвы вновь надевала на него эту одежду. И мишка быстро понял, зачем она достала машинку – из-за того, что животик его теперь был не таким круглым, костюм был ему немного велик.

Несколько булавок, стук огромной иголки по ткани – и вот, костюм сидит на нём, как влитой. Мама Лёвы грустно приподнимает уголки губ. Нет, ему показалось – улыбка вовсе

не осветила её лицо, как раньше. Может, с ней что-то случилось? Игрушки могли сломаться. Могли ли сломаться люди? Может, и её Лёва как-то обидел?

Мишка никогда не понимал, зачем человеческие дети плачут, а взрослые в телевизоре постоянно пьют воду, когда расстроены. Но в ту минуту, когда на место его глаза мама его хозяйина поместила что-то смутно знакомое – старую кожаную повязку, как у пирата, – он, наверное, приблизился к пониманию. В том месте, где его голова крепилась к заметно «похудевшему» туловищу, мишка ощутил какое-то болезненное давление. У него больше не будет глаза. Его не пытались починить – нет, из него, изуродованного во время жестокой игры, сделали *пирата*.

– Теперь будем звать тебя Джек, – снова грустно улыбаясь, сказала мама Лёвы, глядя прямо в глаза – *глаз*, – мишке. – Думаю, Лёва будет рад тебя видеть.

Что ж, впервые за столько лет у него появилось имя.

Но обратно к Лёве он вовсе не хотел.

Впрочем, его никто и не спрашивал. А даже если бы спросили, мишка не смог бы ответить – так что вечером, когда в чистую, вымытую, блестящую квартиру вернулись голоса взрослых, мама его хозяйина вновь взяла его на руки. Прошла по коридору, приблизилась к двери в комнату Лёвы. Почему-то замедлила шаг. Зачем-то сглотнула, хотя ничего не ела. Может, жевала жвачку?

Наконец, мягко коснулась ручки двери, совсем тихо открыла её.

– Привет, – голос у неё был, несмотря ни на что, радостный. Странно.

– Привет, мамуль, – второй голос прозвучал сначала незнакомо. – Ещё таблетки? – лишь по тревожной интонации в конце мишке удалось узнать его. Этот голос когда-то артистично отдавал приказы бомбить только что построенный город. Этот голос переживал за него, когда к его шёрстке что-то прилипало.

– Нет, малыш, не волнуйся. Таблеток сегодня больше пить не надо, – мама Лёвы сделала несколько шагов вперёд, спрятав мишку за спиной. – Просто тут к тебе кое-кто пришёл.

– Пришёл? – голос зазвучал радостнее. – Кто?

Мишку выставили вперёд. Он впервые за долгое время встретился лицом к лицу со своим хозяином.

Что ж, Джек достаточно часто ездил с Лёвой на работу к его маме, чтобы понять, что его хозяин был болен. Прямо возле кровати у него стояли большие белые палки с какими-то пакетами наверху. Сейчас они просто стояли, но, наверное, их должны были как-то подсоединять к рукам его хозяйина. Обычно эти штуки были в больнице, они с Лёвой когда-то и сами играли в капельницы – точно, так назывались эти палки с пакетами и трубочками. Мишка осторожно взглянул на маму Лёвы – видимо, поэтому она была так печальна. Видимо, поэтому в доме стало меньше детских голосов и больше взрослых – наверное, к ним приходили врачи.

– Помнишь его? – несмотря на печаль в глазах мамы, она улыбалась. Лёва растерянно моргнул, но вслед за мамой на его бледном лице стала расцветать неуверенная улыбка – гораздо более слабая, чем у неё. – Это Джек. Он по тебе соскучился, а ты по нему?

– Джек, – прозвучало немного увереннее – должно быть, хозяин даже не помнил, что не он дал ему это имя. – Он теперь пират?

– Пират. Будет храбро тебя защищать, пока ты спишь и набираешься сил.

– И от таблеток тоже? – наивно спросил Лёва, протягивая к нему руки. Мишка услышал тихий судорожный вздох, но не понял, чей – потому что его прижали к груди, практически зажав уши.

С тех пор он вот уже больше месяца жил практически, как и прежде. За исключением частых весёлых игр, конечно – и тяжёлой обиды где-то внутри, глубоко под шёрсткой. Лёва

снова начал спать с ним. Снова гладил его – но лишь потому, что не мог встать, чтобы порвать его в драке с роботами, которые очень больно стреляли разными зарядами.

Теперь он уже не пачкал его шерсть и одежду – опять же, лишь потому, наверное, что не мог. Но Джек постоянно чувствовал, что это могло бы случиться, будь у Лёвы больше сил – это ощущение стояло между ними, словно стена. Мишка не верил в ночные объятия своего хозяина, когда тому было плохо. Не верил в слова мамы Лёвы, которая на ночь всегда говорила своему сыну что-нибудь ласковое от его лица – вернее, его плюшевой мордочки.

Впрочем, иногда во время уборки его забывали на окне – в том, его самом любимом уголке, где всё ещё стояли книжки, хоть и уже другие. Так, когда ему везло, и Лёва терял его во сне, Джеку удавалось перебраться с кровати на подоконник, чтобы провести ночь спокойно.

Вот и этой ночью он поступил так же. Когда, ворочаясь во сне, хозяин отпустил его лапу, мишка выждал несколько минут и тихо спрыгнул с кровати. Забрался на стул, постоянно оглядываясь, и быстро перелез на окно. Устроился поудобнее. Утром можно будет упасть на пол или вернуться обратно – а может, и остаться тут. Лёву мало волновало, на самом деле, засыпал ли он с ним в объятиях – ещё ни разу он не удивился, когда Джек не успевал к нему вернуться.

Вот его мама – неизменно пунктуальная со своими тарелками с кашей и таблетками, – могла бы что-нибудь заметить. Но сегодня она не давала мишку в руки сыну, и Джек был более-менее спокоен.

Впрочем, что случится, даже если люди заметят, что он странным образом оказался на окне? Мало кто подозревал о том, как устроен мир игрушек. В основном, их вообще не считали за живых существ. Никто не поверит, что какой-то плюшевый мишка вот так сам взял и перебрался на окно по собственному желанию. Никто даже не верит, что они у него вообще есть – эти желания. Видеть перемещения игрушек люди не могли: от человеческого взгляда, даже невнимательного, их всегда парализовало. Защитный рефлекс, или какое-то древнее проклятие – кто знает? Может быть, этакое решение эволюции. Маленькие и беспомощные, с ничтожной искоркой жизни внутри себя, они всё равно не могли бы защититься от человеческой воли. Что, если Сказочник, выдумывающий их на заре цивилизации, пытался таким образом их обезопасить?

А в итоге обезопасил людей. Те не могли слышать мольбы своих питомцев о пощаде, даже если отрывали им лапы в неравной борьбе с какими-нибудь роботами. Кому от этого лучше? Может, люди стали бы более ответственными, если бы любой плюшевый мишка просил минимальной заботы и доброго отношения к нему? Им ведь не нужна была еда, с ними не нужно было гулять. Не нужно было за ними убирать, они обходились даже без сна и почти без воздуха – с ними было проще, чем с любым животным. Они бы просто могли бы разговаривать, что такого, Сказочник?..

Из приоткрытого окна повеяло лёгким летним ветерком. Джек почувствовал, как свежий воздух сам по себе наполняет его полупустой прохудившийся животик. Провёл лапой по своей мордочке. Повязка была вечным напоминанием о том, что с ним случилось, хоть он уже и привык видеть одним глазом.

Мишка перевёл взгляд на улицу, посмотрел на дома, куда торопливо забегали дети – кого-то из них он даже мог узнать. Каждый день они играли в игру, когда-то выдуманную Лёвой – глядя на них, он мог вспоминать лучшее время своей жизни, когда его ещё выносили во двор.

Джек поднял голову, посмотрел на небо. Там уже начинали загораться первые звёзды, пока оно само лениво темнело. И вот что-то привлекло его внимание – что-то яркое и быстрое, летящее словно из расступившихся к вечеру облаков.

С неба падала звезда. Мишка, конечно, знал, что это на самом деле не настоящая звезда – несколько дней назад папа читал Лёве книжку о космосе. Но что-то древнее, сказочное и волшебное пробуждалось в нём – может, их каменные и деревянные предки однажды тоже смотрели на то, как падают с неба звёзды. Тогда деревья были намного выше, и вокруг бродили

всякие страшные звери, а потерять своего хозяина было проще простого. Может, тогда они и загадали желание, чтобы перестать общаться с людьми? Может, так первые игрушки хотели обезопасить свои чувства? Легенда о звезде и Сказочнике всегда была расплывчатой...

Лёва позади заворочался. Джека на мгновение парализовало – может, хозяин бросил на него мимолётный сонный взгляд. Может, кто-то посмотрел с улицы.

– Хотел бы я, – пробормотал он, наблюдая за яркой чертой, стремительно несущейся по небу, – чтобы так не было. Хотел бы я за себя постоять. Пойти и надавать по шее этому Лёве. И чтобы он ничего не смог мне сделать. Чтобы мы поменялись местами, – звезда, стремительно промчавшаяся мимо, ярко сверкнула где-то совсем недалеко. Исчезла. На улице загорелись фонари. Мишка оторвал взгляд от неба, где больше не происходило ничего интересного, и скользнул им по улице. Вот домой бежали незнакомые ему взрослые ребята. Кто-то – держась за руки, кто-то – по одиночке. Тех, что держались за руки, Джек видел довольно часто – с наступлением лета, видимо, парочка стала задерживаться на улице подольше, чем во время учебного года. Но вот и они скрылись.

Мишка вслушался в звуки мира, от которого обычно был ограждён. Где-то кто-то играл на гитаре – наверное, на несколько этажей выше, разве что с открытым окном. Было странно наблюдать за разницей в режиме у всей улицы и у одного маленького мальчика – когда его укладывали спать, день лишь близился к своему завершению.

Жизнь кипела и в окнах домов напротив: где-то включался свет, где-то его гасили. Случайным взглядом человека на улицу Джека могло на некоторое время парализовать. Но эти взгляды ловить было уже привычно: можно даже было сыграть в игру, попытавшись определить, откуда на него смотрит случайный прохожий или сосед.

Мишка привычно скользил взглядом по окнам соседей, когда вдруг заметил нечто необычное. В доме наискосок, почти на самом углу улицы, не так давно открыли окно – и всё бы ничего, но обычно люди не использовали окна как двери – даже на первом этаже.

Он присмотрелся. Вздрогнул, когда понял, что фигуры, спешно покидающие дом, были игрушечными – несколько кукол одна за другой выбрались из окна, вслед за ними неловко спрыгнул кто-то маленький и ушастый. Что-то происходило.

Джек оглянулся на своего хозяина. Лёва, который ворочался, пока падала звезда, сейчас опять крепко спал после таблеток. В комнату к нему родители вечером обычно не заглядывали – боялись нарушить сон. Окно никто не закроем – почему бы ему не рискнуть пробежать за кустами и не посмотреть, куда это направились чужие игрушки в такое время? Не то, чтобы игрушки вообще часто куда-то выбирались – а тут ещё и такая большая компания.

Любопытство было, конечно, человеческой чертой – но оно в конце концов победило. Мишка осторожно высунулся из окна, огляделся и спрыгнул в траву – благо, он тоже жил на первом этаже и мог бы, если что, взобраться обратно по колючему кустарнику и велопарковке, которую недавно установили совсем рядом. Конечно, нужно будет изловчиться – но Джек уже однажды пробовал выбираться наружу. Ради интереса, разумеется – однако лежать в траве и смотреть на ночное небо ему понравилось даже больше, чем наблюдать за улицей из окна.

Он решил. Не отрывая взгляда от кукол, которые стройным рядком направились куда-то к небольшой парковке, что была возле их многоэтажки, мишка высунулся из окна и спрыгнул вниз. Преимущество в «росте» было потеряно, и Джек поспешил пробежать за кустами в направлении того дома, где происходили столь необычные события. У игрушек не было крови, а значит, они не могли и почувствовать на себе действие адреналина – но ощущение новизны событий заменяло его сполна.

Мишка пробежал так быстро, как только мог. Расслышал голоса – судя по всему, тех самых кукол, которые почему-то замешкались возле одной из машин. Было плохо слышно, и он рискнул высунуться из своего укрытия. Огляделся. Вокруг никого не было, из окон тоже,

вроде бы, никто не смотрел. Машины были неподвижны. Слегка вперевалку – как ни крути, медведь, – Джек перебежал узкую дорожку. Повезло – никого не привлекла странная одинокая маленькая фигурка на пустой улице.

Дверь одного из подъездов многоэтажки открылась. Мишка едва успел спрятаться в тени – какой-то человек, на ходу подбрасывая сумку, поспешил в сторону парковки. Это показалось странным и оттого лишь более интересным. Был ли этот человек как-то связан с куклами, которые зачем-то выбрались в такое время из тёплого и уютного дома?

Держась в тени, Джек пробрался поближе к парковке. Заметил кукол, сгрудившихся в другом тёмном углу прямо возле колёс машины – будто чего-то ждущих. Странно.

– И какой у нас план? – спросила одна из кукол. – Мы даже не знаем, удастся ли ему найти её.

– Если не удастся, то у нас тем более не получится, – ответила другая. – Думаешь, это так просто? Если ты надеялась на приятную прогулку, можешь вернуться обратно, ты всё равно заинтересована в этом меньше всех остальных.

– Почему ты так со мной говоришь? – возмутилась первая.

– Девочки, пожалуйста, – вмешалась третья – полностью пластиковая, довольно крупная, прямиком из нулевых. – Мы должны держаться вместе. Нам не стоит ссориться. Нам надо вернуть звезду на небо – это и без того довольно расплывчатый совет. Кто из вас знает, как это сделать, даже если она у нас будет? – игрушки притихли. Широкой ладони этой куклы коснулась тоненькая и маленькая – Джек вздрогнул, вдруг поняв, что всё это время не видел ещё одну куклу, что была гораздо меньше первых трёх.

– Мы что-нибудь придумаем. Обязательно, – она кивнула, тряхнув аккуратным конским хвостиком. – Всё будет хорошо.

– Вот он, – раздался мальчишеский голос. Мишка наконец смог разглядеть ту самую несуразную ушастую игрушку – это был зайчик в жёлтом комбинезоне. Лапкой он часто поправлял пришитые очки. Надо же – такого у игрушек Джек никогда раньше не видел. Может, если бы мама Лёвы сделала из него профессора, а не пирата, у него тоже были бы такие очки?

– Прячьтесь, – кукла в зелёном платье дёрнула за руку куклу в розовом, заставляя её скрыться в тени. Та снова возмутилась:

– Что такое?

– Если не хочешь, чтобы тебя зашвырнули обратно, спрячься и замолчи, – прошипела «зелёная». Кукла в розовом умолкла.

Человек открыл машину. Ту самую, возле которой сгрудились эти странные игрушки со своими загадочными беседами. Сел в неё, помедлил, что-то сделал внутри, потом будто вспомнил – вышел, отправился к багажнику. Открыл его, бросил туда сумку. Мишка не умел моргать – но ему показалось, что он это сделал, потому что, наблюдая за человеком, он как-то упустил тот момент, когда зайчик, успевший вскочить к дверце машины и придержать её открытой, скомандовал своим подругам:

– Сейчас! – и те быстро, хоть и не особо слаженно, поспешили заскочить внутрь.

Дверца закрылась за ними почти бесшумно. Человек почесал в затылке, делая что-то в своём телефоне. Захлопнул багажник, снова смешно засуетился – заторопился к водительскому месту, куда только что забрались игрушки. Джек прислушался – не сумел уловить никого шуршания внутри, но, судя по тому, что мужчина ничему не удивился, эта необычная компания успела скрыться где-нибудь между сидениями или под ними.

Человек завёл двигатель машины и сразу тронулся с места, ничего не ожидая. Видимо, куда-то он и правда торопился. Машина что-то проворчала, будто живая, и подчинилась ему. Мишка остался на улице один.

Что ж, наверное, он упустил шанс на какое-то особенное приключение, судя по странной беседе этих незнакомых игрушек. Вернуть звезду на небо – что бы это могло значить? На самом

деле, что угодно. Игровых условностей у чужих детей было предостаточно – из-за некоторых из них Джек однажды лишился глаза, ведь соседскому мальчику было принципиально важно, чтобы его танк проехал прямо по голове мишки. Но почему эти игрушки забрались в машину к человеку? Куда они уехали?

Что же, не так уж важно. Может, «звездой» была какая-нибудь плюшевая собака, которую хозяин или хозяйка где-нибудь забыла. Вдруг это была кличка? Не такое уж большое приключение – Джек тоже несколько раз был забыт Лёвой в песочнице, и сам садился на скамейку, чтобы его можно было как можно скорее найти. Ладно, видимо, это «приключение» оказалось пустышкой.

Мишка выждал несколько минут, пока машина не скрылась вдалеке. Потом осторожно огляделся, и короткими перебежками вернулся обратно к кустам. Там, за высокими колючими листьями, его уже точно не могли увидеть даже собачники, которые постепенно стали выходить на улицу. Ему повезло: Джек проскочил обратно даже быстрее, чем думал. Легко забрался на велопарковку, отлично прицелился, прыгнув на внешний подоконник – как его называли люди? Карниз, что ли?

Необычный вечер, такая лёгкая незапланированная прогулка мишку взбудорила. Ему, конечно, нужно было ещё почистить свои нижние лапки от пыли, которую он набрал на улице, чтобы хозяин ничего не заметил – ну, у Джека была впереди ещё целая ночь.

Уцепившись лапами за нижнюю выступающую часть окна, он подтянулся вперёд, вползая обратно в квартиру. Пальцев у него не было, так что приходилось обходиться вот такими усилиями...

Что-то было не так. Джек понял это почти сразу, когда уличный шум уступил домашней тишине. Было даже слишком тихо, как будто...

Мишка машинально поднял голову, оглядываясь вокруг. Замер, когда понял, что именно ему показалось странным.

Лёва сидел в кровати и смотрел на него. *Смотрел*, но Джеку удалось закончить своё движение, будто у него не было никаких препятствий. Это показалось настолько нереальным, что мишка даже не удержался, когда подался вперёд – лапы подвели его, и он с размаха звонко стукнулся твёрдым носом о поверхность подоконника. Не может быть. Нет, он чувствовал всё своё тело – и всё ещё мог двигаться. Мог, хотя на него смотрел человек.

Этого *не могло* быть в принципе.

Тем не менее, это происходило.

– Мам? – громко позвал Лёва. Мишка почувствовал, как всё внутри у него сжимается – вся вата, или что там теперь набивало его живот. Он легонько пошевелил лапой на пробу. Тело ему полностью подчинялось – но Джек не рискнул проверить, смотрит ли на него до сих пор его хозяин. – Мама?..

Шаги в коридоре. Дверь в комнату открылась, и на пороге появилась, должно быть, мама Лёвы.

– Что такое, милый? – голос женщины был встревоженным. Действительно, Лёва крайне редко просыпался вечером после лекарств – наверное, у неё был повод волноваться.

– Мама, мишка... Мишка упал, я видел, как он упал, – в голосе была уверенность. Джек не верил своим ушам. – Он двигался только что, я видел...

– Милый, – глубокий вздох. – У тебя снова температура.

– Нет, мам, я же видел, я...

– Ты весь горячий, – шорох – мама поправила Лёве одеяло. – Давай я переверну тебе подушку. И сделаю укол, чтобы ты поспал. Тебе нужно спать, помнишь, мы договаривались?

– Мам, ну правда!..

– Тише, тише. Сейчас я дам тебе этого мишку, – лёгкий скрип кровати, шаги, и Джека взяли на руки. Но даже не посмотрели. Не позволили успеть ничего понять. Просто сунули в руки Лёве.

Тот ощупал его. Мишка ощупал его руки так же отчётливо, как и раньше, будто ничего не изменилось. Могло ли это быть простым совпадением? Может, Лёва просто заметил, как он упал, а потом смотрел куда-то в сторону, и потому Джека и не парализовало от его взгляда? Если у него температура, это вполне могло быть правдой...

Мама сделала Лёве укол, как и обещала. Посидела с ним ещё некоторое время, пресекая попытки сына подскочить и начать рассматривать мишку. Зазвучали какие-то сказки, которые Джек слышал уже десятки раз.

Спустя какое-то время его хозяин снова размеренно задышал, наполняя комнату тем самым звуком, которого не хватало, когда мишка вернулся домой. Мама Лёвы мягко коснулась губами лба сына, потом поднялась и бесшумно вышла, прикрыв за собой дверь.

Мишка только сейчас смог в полной мере оценить ситуацию. Да, его хозяин спал – не притворялся. Не пытался его осмотреть. Но его руки были на груди у Джека, прижимали его к боку – и этого должно было быть достаточно для того, чтобы парализовать его. Чтобы исключить возможность двигаться и случайно разбудить Лёву, привлечь его внимание.

Наконец, мишка решил проверить свою теорию. Собрался с силами. Почувствовал себя маленьким и незначительным – и обида вновь наполнила всё его плюшевое тело. Если это было просто совпадение, разочарование будет очень жестоким. Но он заслужил знать, в конце концов, верно?

И Джек заставил себя попытаться оттолкнуть руки его хозяина.

И у него... получилось.

Но как?..

Он бросил взгляд в окно. Что изменилось? Что произошло этой ночью? Что стало причиной?..

Мишка замер, когда увидел, насколько темно стало на улице. Насколько яркими стали звёзды на ночном небе.

«Хотел бы я за себя постоять», – всплыли у него в памяти его же собственные слова. «Надавать по шее этому Лёве. Чтобы мы были *на равных*».

Неужели... подождите. Неужели, падающая звезда исполнила его желание?

Джек неуверенно, робко улыбнулся сам себе в темноту, непривычно растягивая уголки маленького рта.

И тут же его улыбка погасла, когда в памяти у него всплыла ещё одна фраза.

«Нам надо вернуть звезду на небо».

Какова была вероятность, что речь *не* шла о той самой звезде, что исполнила его главную мечту?..

Судя по тому, что всё этим вечером было загадочным образом взаимосвязано – *никаких*.

Но если вернуть звезду на небо... Падением она исполнила его желание. Возвращением наверх, значит?..

Мишка почувствовал, как дрожит всем телом. Нет, этого он допустить никак не мог.

Но было уже слишком поздно – ведь он *понятия не имел*, куда уехали чужие игрушки на чужой машине... и ему не стоило рисковать, вновь перебираясь на окно.

Впрочем, как оказалось, в этом и не было бы смысла – ведь когда его утром снова посадили на подоконник, чтобы заправить кровать Лёвы, выяснилось, что эта машина за целую ночь обратно так и не вернулась.

Глава 3. Лина

Это был обычный вечер. До тех пор, пока не прозвучали самые болезненные слова, которые Лина слышала за все восемь тысяч пятьсот пять дней, что она провела в этой семье.

Никто никогда себе такого не позволял раньше. Ни мама Жени, Аня, которой Лину однажды подарили на тринадцатилетие. Ни её младшая сестрёнка, которой подросток Аня передарила куклу на какой-то из праздников. Ни одна из их подруг – и вот сегодня она впервые услышала от ребёнка такие жестокие слова.

Впрочем, дети теперь выросли быстрее. В тринадцать лет Аня ещё не считала зазорным поиграть с ней, её младшая сестра же бросила игры с Линой уже в одиннадцать. Женя и вовсе перестала играть с ней ещё раньше – наверное, сейчас она была взрослее, чем её мама или тётя в том же возрасте.

Но легче от этого Лине не становилось. Как не становилось легче и от того факта, что Женя просто не знала о том, как устроен их игрушечный мир. Никому не было бы приятно, если бы его назвали тупым, верно? Никому бы не понравилось, если бы его неспособности проявить какие-то чувства вдруг кто-то позавидовал. Чему эта глупая девочка могла завидовать? Тому, как их лишал возможности двигаться один только её взгляд? Нет, это ей можно было завидовать Жене – живой, равномерно тёплой, способной менять столько одежды, сколько ей хочется. Способной гулять и общаться со всеми, с кем ей только вздумается.

Лина многое хотела бы высказать своей хозяйке, но не могла. Потому она молча понадеялась на какое-нибудь кармическое возмездие. Промолчала в ответ на прикосновения Даши, которая, видимо, хотела её поддержать. Не оглянувшись на Варю, которая что-то ей сказала.

Она ведь не знала, что пожалеет об этом буквально спустя несколько мгновений, верно?

Вот Женя отвернулась. Вот вдруг покачнулась. Лина не успела даже позлорадствовать, что хозяйке вдруг стало плохо – она даже не до конца осознала, что именно происходит.

– Что случилось? – раздался тревожный голос Варвары. Лина хотела бы ответить подруге, но в тот момент, когда Женя оказалась на полу, мир вдруг завертелся перед её глазами.

Лина ещё смутно ощутила, как её хватает за плечи Даша, прежде чем пластиковые веки у неё неожиданно отяжелели и опустились сами собой.

Она... Она не понимала, что происходит.

Сначала ей показалось, будто её вытащили из воды. Или нашли в груди подарков и освободили от плотного пакета. В первые секунды это было просто прекрасно, но потом...

В груди появилось странное ощущение, расплывающееся по ней неприятными шупальцами. Вспыхнул страх, и Лина сделала усилие – сама не зная, что именно пытается сделать. Впрочем, что бы она ни делала, это сработало – перед самым её лицом раздался какой-то шум, шипение, и грудь наполнилась чем-то приятным, лёгким. Странное чувство внутри и страх исчезли.

Но именно этот шум и привёл её в чувство. Лина внезапно осознала: этот шум был звуком её *дыхания*.

Но ведь игрушки не дышат!

Она вновь приложила усилие – привычное, и оно вдруг оказалось избыточным. Она определённо лежала, но веки её больше не были слишком тяжёлыми в таком положении. Они подчинялись ей легко и быстро, но едва она открыла глаза, как веки тут же опустились. На мгновение. Потом сами собой поднялись. Снова опустились на долю секунды. Это... это что, она...

Лина рывком села. Это не заставило её глаза немедленно распахнуться, как раньше. Она слышала, как что-то происходит у окна, как кто-то разговаривает за дверью комнаты, но всё это ощущалось не так, как раньше.

Бывшая кукла заставила себя удержать глаза открытыми. На лицо ей спали мягкие живые светлые волосы. Она сидела на кровати. Кровать была ей в самый раз – не такая огромная, как обычно.

Она дышала. Она моргала. В её груди билось что-то встревоженное и будто бы агрессивное. Её голова ныла после удара о пол. Её губы дрожали. В глазах что-то мешало.

Она была в теле своей хозяйки, в этом не могло быть никаких сомнений. Лина бы подумала, что это сон, вот только игрушки не спали – и таких видений у них никогда не было. Им хорошо было известно, что видят во снах дети, которые часто рассказывали им об этом, и происходящее больше всего было похоже именно на ночную сказку.

Раздался хлопок двери и тяжёлый вздох. Кукла вздрогнула, когда до неё вдруг дошёл весь ужас ситуации: она не просто была в теле своей хозяйки. Она *была* своей хозяйкой. Но *недостаточно*.

Разумеется, они с остальными игрушками тоже слышали ссоры родителей Жени. Наверняка Варя хотела сказать как раз что-то об этом, напомнить, как их хозяйке сейчас тяжело, в какой-то мере оправдать её. Лина тогда не захотела её слушать, ведь в ней клокотала обида за резкие слова, но...

Она заставила себя подняться с кровати. Ноги были ровными и совсем не такими мягкими, как представляла себе раньше Лина. На одном порыве, даже не подумав о том, что ей будет непривычно ходить, что ей нужно как-то свыкнуться с новой точкой опоры, она метнулась ко шкафу. И пусть ноги её заплетались, пусть она споткнулась по пути, Лину подстёгивал страх: это всё было ненормально. Она всюду, каждым миллиметром чувствительной человеческой кожи ощущала прикосновения ткани. Одежда вовсе её не радовала. Дыхание, без которого в груди немедленно нарастало что-то нехорошее, *душное*, пугало её. Раньше страх, все чувства были только в её сознании – теперь на них отвечало всё тело, которое будто бы сходило с ума.

Ухватившись за стенку шкафа, Лина припала к своей родной полке. Окинула её взглядом, пытаясь найти своих подруг, саму себя, хоть кого-нибудь... пусто. Никого не было. Неужели, шум возле окна ей не померещился?

Краем глаза кукла заметила знакомую полосатую шёрстку. Точно – на соседней полке сидел Тигряша. Мудрый старый тигрёнок, самый старший из них всех, если кто и знал, что происходит – то это он!

– Тигряша! – для того, чтобы говорить, пришлось жадно глотнуть ртом воздух. Тело повиновалось её воле целиком и полностью – это должно было бы её успокоить, но так всё работало лишь пока Лина не задумывалась над тем, как это происходит. Она понимала, что люди дышат, что это происходит произвольно – но сейчас, когда ей всё это было в новинку, осознать и принять это было слишком сложно. Она то и дело вздрагивала от новых ощущений, которые ей подкидывало живое человеческое тело, и не думать о них просто не получалось. Правда, чуть позже эти ощущения вытеснились новыми, и ей приходилось думать уже о них, и... – Тигряша! – взмолилась Лина. – Я знаю, ты меня слышишь! Помоги! Я не понимаю, что случилось! – ноги у неё стали подкашиваться, и она инстинктивно уцепилась за другую полку. Впиалась взглядом в тигриную мордочку.

Ноль эмоций. Тигряша был неподвижен, лишь чуть повёрнут в сторону окна. Прохладный ветерок с улицы заставил Лину невольно содрогнуться, по коже её прошли мурашки. Она почувствовала, как жжение в глазах усиливается. Её друзья были неизвестно где, никто из её окружения не мог с ней пообщаться и рассказать, что происходит. Тигряша, даже если он знал, как исправить это безумие, был безмолвен и никак не мог дать ей знак.

Ей было холодно. У неё болела голова. Её глаза отчего-то были мокрыми, а в горле будто бы застрял комок неизвестной раньше боли. Во рту было сухо, и от этого – почему-то очень неприятно. Живот, который будто бы жил своей, отдельной жизнью, тихо урчал. Это была жажда? Это был голод? Ей всё это теперь нужно было исправлять *самой*?..

Она была одна. Она не знала, кто ей может помочь. Её – теперь, видимо, её, – родители были в страшной ссоре. Такой ли была её жизнь ещё несколько минут назад?

– Ладно, – выдохнула бывшая кукла, чувствуя, как начинает дрожать. – Ладно... я поняла, что ты имела в виду, – пусть Лина понятия не имела, слышит ли её хозяйка – да, теперь она понимала, почему та завидовала её существованию. Никаких проблем с родителями. Никакого дыхания. Никакого голода.

Быть человеком оказалось *слишком* страшно.

– Женя, зачем ты встала? – раздался позади неё голос. Послышались шаги, чьи-то тёплые руки коснулись её запястий, локтей. Лина узнала эти руки – Аня. Её первая хозяйка. Мама Жени, которая думала, что разговаривает с дочерью. – Не стоит тебе подниматься. Нужно полежать. Давай я включу ночник и посижу с тобой, – в голосе была забота, и Лина осмелилась поднять на женщину взгляд. Она была подавлена. Она была мрачна. Эти оттенки настроения игрушки хорошо считывали.

Но отчего-то она улыбалась той, кого приняла за свою дочь, когда терпеливо укладывала её в постель и подтыкала одеяло. Отчего-то она принесла ей горячую травяную воду – чай, и сидела рядом. Почему-то она чаще молчала, лишь иногда задавала вопросы об её самочувствии вместо того, чтобы говорить о своём. Почему-то она не боялась этой страшной жизни, где было нужно дышать, моргать и пить чай. Может, потому, что была взрослой? Все взрослые были такими смелыми?

И почему-то она не ушла, пока Лина, убаюканная мерцанием ночника в полутьме комнаты, не провалилась в это странное небытие под названием «сон».

А может, не ушла и после этого.

Просьпаться было... скажем мягко, непривычно. Лина не забыла ничего из произошедшего – вероятно, потому, что момент возвращения в полное сознание был для игрушек необычным. Они никогда не спали, всегда были наготове, разве что могли погрузиться в свои мысли – но не так глубоко, как это делали люди, которым для полноценного отдыха приходилось входить в странный транс.

Когда она необыкновенно легко открыла глаза, несколько минут понадобилось на то, чтобы полностью осознать происходящее. Разум был странно затуманен, острота к нему возвращалась медленно. Бывшая кукла чувствовала себя роботом, которому поставили какие-то старые детали. Она видела, как «тормозил» компьютер Жени, когда однажды её родителям пришлось это сделать – вот, точно такие же ощущения были от того, что её сознание не охватывало всё существование в момент.

Лина потратила ещё некоторое время на то, чтобы проверить своё новое тело. Оно и правда было неоднородным: где-то – мягким, где-то – гораздо жёстче и крепче, чем её некогда пластиковая голова и руки. Оно было отзывчивым и послушным. Но ощущения в нём сводили с ума. Раньше её живот и грудь были будто онемевшими, она почти их не чувствовала: а теперь в груди билось живое сердце, а в животе что-то урчало.

Разумеется, Лина знала, что такое голод. Игрушкам не нужно было есть, но они видели, какое большое значение этому придают люди – да и в книжках, которые они порой умудрялись читать со своими хозяевами, было подробно описано всё происходящее с телом человека. Так что она не чувствовала себя неподготовленной, конечно, но...

Было страшно от того, насколько разом усложнилась её жизнь. А ведь ещё даже ничего не произошло. Что, если это навсегда? Что, если ей придётся жить целую длинную человеческую жизнь в качестве настоящей девочки? Лина знала многих знакомых Жени, которые приходили к ней домой. Сидя на шкафу, она видела все её переписки. Знала многие её тайны,

и порой даже хотела подсказать ответ в домашнем задании – но сможет ли она заменить свою хозяйку? Вчера началось лето. Что будет, когда Лине придётся пойти в школу? А потом? Как ей разговаривать с людьми? Что, если однажды она кому-то попытается рассказать правду?..

Бывшая кукла моргнула, глядя в потолок. Она вспомнила об одной очень важной вещи – телефоне её хозяйки. Там, без преувеличения, была вся её жизнь – наверняка этого было достаточно, чтобы хотя бы попытаться начать разбираться в этом новом мире.

Лина приподнялась, огляделась. Обычно Женя оставляла свой телефон где-то на комодике или на письменном столе. Иногда – под подушкой, но где он был сейчас?

Неловкое движение – и раздался чей-то сонный вздох. Кукла вздрогнула, только теперь осознав, что мама Жени так никуда и не ушла. Просидела рядом, в мягком кресле, всю ночь.

– Доброе утро, – это было единственным, что удалось придумать Лине. А что, с чего-то же люди начинали разговор? Дышать всё ещё было непривычно, конечно, но всё же, тело справлялось. Мудрая живая машина. Мудрее беспомощной глупой куклы, которая застряла в нём не по своей воле. Или всё же по своей? Не из-за гордыни ли её наказал великий Сказочник?

Маленькая Аня, которая была уже далеко не малышкой, сонно поморгала. Во взгляде у неё снова появилась тревога. Что-то с ней было не так – будто какая-то печать осталась на её лице после сна. Беспокойства, мрачности, напряжения.

Она придвинулась ближе к Лине и коснулась тыльной стороной ладони её лба. Линия её бровей чуть смягчилась.

– Доброе, – Аня поморщилась, когда произнесла это слово. Будто не верила в него. – Как ты сегодня? Всё хорошо?

– Я... – что ей было сказать? «Я не твоя дочь»? Нет, это было бесполезно. Аня выросла. Она в это не поверит. Лина видела слишком много фильмов, где взрослые не верили даже в очевидное волшебство – а у неё даже не было доказательств, чтобы предоставить их своей бывшей хозяйке. Разве кто-то в здравом уме поверит, что она – всего лишь кукла?

– Температуры, вроде бы, нет. Голова не кружится? Не тошнит? – не замечая заминки, продолжала спрашивать мама Жени. Лина вздохнула, подумав: что же, ей надо было принять эту ситуацию. Другого выхода прямо сейчас не было.

И она приняла её, впервые в своей жизни сказав:

– Кушать хочется, – слух у людей был устроен в принципе иначе, но слышать эти слова от самой себя было вдвойне необычно. Ещё более необычным было то, что повзрослевшая Аня, которая когда-то тренировалась на ней, готовясь к этому моменту, мягко кивнула и протянула ей руку.

– Хорошо. Пойдём на кухню, – сказала она.

Лина впервые смогла протянуть ей руку в ответ.

Еда была... разнообразной. Лина никогда не думала, что люди столько информации могут получить от спрятанной во рту розовой мышцы – оказывается, её можно было обжечь чаем, как кожу. Но кожей не почувствуешь сладость сырка и кислинку ягоды внутри. Кожей невозможно говорить – а эта мышца справлялась и с этой задачей, причудливо изгибаясь и то дрожа, то мягко скользя по зубам – ещё одному необыкновенному устройству, – то жёстко сталкиваясь с нёбом, почти цокая. Тело помогало ей, подсказывая, как нужно жевать, когда глотать и как не подавиться воздухом – поразительно.

Ощущения ото всех этих открытий притуплялись, когда механизм нового действия становился почти привычным. И она вдруг поняла, что может оглядываться, говорить, а не только сосредоточенно жевать, разглядывая впервые доступную ей еду. Что же – посмотреть и правда было на что.

Мама Жени не ела. Лина, потихоньку оглядевшись, заметила, что они были дома только вдвоём. По крайней мере, не было слышно шума в ванной или спальне родителей, не звучала

привычная приглушённая музыка из телевизора в гостиной. Видимо, потому что там никого не было.

Она неосторожно спросила:

– А где папа? – «папа Жени» чуть не вырвалось было у Лины, но она вовремя прикусила язычок. Оказалось, это тоже довольно больно, если не рассчитать силу.

Аня вздрогнула. Подняла на неё взгляд, оторвавшись от телефона. Хмуро посмотрела, в глазах будто бы сверкнули колючие льдинки.

– На своей работе, – резко, почти с вызовом ответила она. Отложила телефон, нервно придвинула к себе чашку с чем-то ароматным. Это люди называли кофе? – Он там, где ему *интереснее*. Охотится за звездами, – голос её изменился, и она прикрылась этой чашкой. Заставила себя замолчать.

Лина медленно моргнула, опуская руку с открытым сырком. Эти слова почти физически задели что-то у неё внутри. Она не понимала, что. Не понимала, почему в груди вдруг стало так тяжело, а в горле – горько.

Но она прекрасно видела, что то же самое чувствовала мама Жени – и сделала логичный вывод: это было из-за неё. Если ей ответили так, значит, эти чувства Лина ненароком поселила в её груди сама.

Она отставила кружку с чаем. Положила сырок на стол. Неловко шаркнула стулом, коснулась руки человека рядом с ней. Женщина вздрогнула, растерянно посмотрела на неё, перестав прятать глаза за этой ароматной чашкой.

– Прости, – просто сказала Лина. Отчего-то это оказалось сложным словом, может, из-за этого странного ощущения в груди и горле. Но она совершила ошибку, едва оказавшись в человеческом теле – и должна была её исправить. – Я не хотела тебя обидеть, – бывшая кукла заглянула в глаза матери Жени. Теперь и её матери, наверное?

Анна несколько секунд молчала, глядя в глаза дочери. Это был неожиданный жест со стороны Жени, он будто бы осадил её, привёл в чувство. Она вдруг ощутила жгучее чувство вины. За что ей было злиться на дочь? За неосторожный вопрос? Её девочка вчера потеряла сознание из-за духоты и их бесконечных ссор. Её тоже оставили в тяжёлый момент. Она не могла быть идеальной, не должна была быть.

Она ничего не сделала. И всё же – поразительно тонко почувствовала состояние своей матери, когда Анна на неё сорвалась. Почувствовала свою вину. Ни за что. Смотрела ей в глаза и просила прощения за свой несвоевременный вопрос, причинивший ей боль.

Женя собиралась отстраниться, когда Анна поймала её тёплую руку своей и удержала.

– Ты меня прости, – сказала она. Комок в горле неожиданно стал меньше, легче, когда удалось попросить прощения за незаслуженную обиду. – Ты ничего плохого не сделала. Я не должна была на тебе срываться. Просто я... устала. Очень. Это не твоя вина, – она погладила руку дочери. Та вскинула на неё будто бы удивлённый взгляд. Неуверенно улыбнулась. Это того стоило.

– Может быть... – она осеклась. Анна приподняла брови:

– Что такое?

Женя мгновение подумала, помолчала, и потом всё же продолжила:

– Может... Мы ходим погулять? – видимо, на лице у неё отразилось недоумение, потому что дочь быстро прибавила: – В смысле, ты говоришь, что устала... Мы можем сходить в парк, или ещё куда-нибудь, – она будто бы пугалась собственного голоса, видимо, сама смущённая собственным предложением. Плечи у неё опустились, Женя заметно ступсевалась. Похоже, она посчитала свою идею глупой, когда озвучила её.

Но Анна так не думала. Прежде, чем дочь пересела бы обратно, опустив глаза в стол, она качнула головой. В конце концов, вчера начались летние каникулы. Они обе были дома,

и у них обеих было свободное время. Зачем оставаться наедине с собой, если можно провести время вместе?

Она ведь действительно устала. Так почему бы им хотя бы не побросать камешки в реку?

– Да, – согласилась Анна. Женя встрепенулась, подняла на неё большие удивлённые зелёные глаза. – Давай сходим. Только чай допьём, – она думала, что заставит себя улыбнуться – но, когда у её дочери на губах возникла неуверенная улыбка, у неё и у самой это получилось гораздо проще. Что же, что ни делается – всё к лучшему. В последнее время Женя была как колючка – понятно, почему. Но сегодня, сейчас, она поступила мудрее, просто попросив прощения. Хотя вины Анны было не меньше.

Нельзя было проигнорировать этот первый шаг навстречу, если ей была дорога семья, ведь так?

Так что последней преградой на пути к прогулке – когда они в последний раз вот так вот просто вместе гуляли? – стала чашка кофе.

Улица была ещё лучше, чем в старых воспоминаниях из детства Жени. Для того, чтобы туда попасть, пришлось преодолеть множество препятствий – в том числе, впервые открыть шкаф и самостоятельно одеться. Но это того стоило: столько необычных ощущений этому до безумия отзывчивому живому телу мог принести только свежий воздух. Лина чувствовала, как от него кружится голова, наблюдала, как мир перед её глазами сверкает разными цветами – её чуть запывлившиеся пластиковые глаза никогда не позволяли ей так видеть. Хотя, может быть, ей просто было не на что смотреть, сидя дома?

Было странно наблюдать за людьми, с которыми теперь можно было поговорить. Странно чувствовать тепло человека рядом – не только физическое, но и какое-то другое. Того же рода, что и горечь, которая возникла в её рту от неожиданных слов.

Сначала они и правда пошли в парк. Он изменился, был уже не таким, каким Лина его помнила: его облагородили, высадили новые деревья и кустарники, даже поставили в глубине какие-то аттракционы. Но туда они с мамой Жени не пошли – добрались лишь до ларьков с мороженым. На самом деле, кукла поначалу пожалела о своём предложении отправиться вместе на прогулку – она побаивалась, что Анна быстро её «раскусит». Конечно, не поверит, что Лина – всего лишь игрушка, но что, если она почувствует неладное? Если ощутит, что её дочь как-то изменилась?

Но время всё шло, и ничего не менялось. Сидящая напротив компьютера и кровати, Лина всегда видела, чем была занята её хозяйка. Как выяснилось, она знала о ней много. Даже слишком много – настолько, что этого было достаточно, чтобы ответить на внезапные вопросы матери. Насколько, что она даже смогла припомнить пару историй, чтобы рассказать их.

День пролетал незаметно. Они погуляли в парке; Лина встретила нескольких знакомых Жени со школы. Не смогла припомнить, в каких отношениях с ними состояла её хозяйка – так что одинаково приветствовала каждого, кого смогла узнать. Последний – высокий парень в очках с толстыми линзами, – вопросительно приподнял брови, когда она приветливо помахала ему рукой. Огляделся, понял, что Лина-Женя обращалась именно к нему. Нахмурился, отступил назад, развернулся и зашагал в другую сторону. Кукла моргнула, опустила на скамейку, не понимая, что вызвало такую реакцию. Его фотографию она точно видела в компьютере у Жени – должно быть, он был её одноклассником или одним из тех, кого она знала по Нейтрониуму. Неужели, они на самом деле не общались? Может, что-то случилось при личной встрече?

Лина закусила губу, неожиданно остро ощутив себя чужой в теле человека. День был прекрасным – во рту всё ещё было сладко от мороженого, руки ещё помнили каждый камешек, что она подняла, чтобы бросить в воду. Она была не одна, но...

Все вокруг были такими одинаковыми. И всё вокруг было так излишне сложно. У каждого человека были руки, ноги, голова – и они ходили мимо друг друга, цепляясь лишь за тех, кого знали. Это было диким, чуждым обрядом, который не трогал Лину, пока она отдавалась радости познания нового для неё мира. Но если подумать...

Никогда не было такого, чтобы игрушка отказалась от общения с ней. Никогда не случилось так, чтобы кто-то, увидев её, развернулся и ушёл в другую сторону. Им было нечего делить, кроме хозяев. Они всегда ладили друг с другом и искренне скучали по своим друзьям, когда дети вырастали и прекращали выносить их во двор. Но ведь на одного ребёнка всегда приходилось несколько игрушек. Так почему же, если их было больше – люди, в отличие от них, вечно были разрозненны? Вечно не могли что-то поделить? Почему всё было так сложно? Неужели, наличие потребностей у живого тела могло настолько поменять условности мира, в котором приходилось жить?

Похоже, тяжёлые, спутанные мысли отразились на лице у Лины, потому что мама Жени в какой-то момент осторожно коснулась её руки, привлекая внимание. Бывшая кукла подняла на неё взгляд, чувствуя, как отчего-то горит её лицо.

– Что-то случилось? – осторожно спросила Анна, опускаясь рядом. Ответить Лине было нечего, но всё же, видимо, зря она обесценила материнское чутьё – оно всё же существовало: – С тем мальчиком. Стёпой, – уточнила мама Жени. – Вы же давно не общались, – припомнила она. Кукла попыталась откопать в памяти момент последней переписки Жени с этим Стёпой. Не смогла. – Так и не помирились?

– Нет... наверное, – Лина посмотрела вслед ссутулившемуся мальчику, который сейчас стоял у кассы с билетами и что-то покупал. Отвела взгляд прежде, чем он ощутил бы его и повернулся к ней. Она не была уверена, что вообще может рассуждать о том, что случилось между ним и её хозяйкой. Стоило ли ей лезть в жизнь Жени? Вдруг всё скоро вернётся на свои места?

– Ничего, – растолковав её неуверенность совершенно иначе, Анна потрепала Лину по плечу. – Ничего, всё наладится. Иногда на это требуется время, – кукла услышала что-то знакомое. Посмотрела на маму Жени и поняла, что это было – печаль. Её она уже слышала и знала, пусть в прошлый раз печаль была скрыта за маской секундного гнева.

Ну, уж нет. Пусть Лина не человек. Пусть ей не место здесь – но пока она не может вернуться обратно, она должна справляться с этим достойно. Достойно ли будет радоваться вместе и разбегаться, когда их настигает печаль? Лина видела, что такое семья: в фильмах, в книгах, в живой истории, разворачивающейся перед ней на протяжении стольких лет. И у неё тоже была семья – пусть и не родная в человеческом понимании. В одном сериале, который так нравился Жене, часто говорили, что семья на крови не заканчивается. Это она знала, видела на примере своих друзей, которых ей сейчас так не хватало. Пусть маленькая Аня не родная ей по крови – в конце концов, сейчас Лина находится в теле её дочери. Это значит, сейчас они близки так, как никогда раньше. Сейчас она может что-то для неё сделать.

Например, подарить ей чувство единения.

Она дотронулась до её руки. Уже не так неловко, как утром. Предложила:

– Может, пойдём погуляем где-нибудь ещё? – мгновение Анна смотрела на неё, будто внутренне боролась с подступившей волной темноты, печали. А потом Лина встала со скамейки, потянула её за руки, заставляя встать и попасть в неумелые объятия.

– Не знаю, как ты, – голос возле уха звучал теплее, светлее, легче, чем раньше, – а я – безумно хочу шоколадных вафель. И новые босоножки. Пойдём?

Кукла кивнула, опуская веки, но руки всё же задержала.

Ей слишком понравилось уметь на самом деле, по-человечески, обниматься.

Они добрались до уютной чуть скошенной улочки с магазинами и открытыми летними кафе. Прогулялись там: Лина впервые примерила столько одежды за один день, впервые смогла высказать своё мнение о нарядах. Наверное, этот опыт ей нужно было однажды получить.

Но никакие босоножки с вафлями и никакой смех не смогли заставить её пройти мимо магазина игрушек. Что-то внутри у неё ёкнуло, когда она узнала знакомую витрину – когда-то, давным-давно, именно из этого, тогда ещё совсем маленького магазинчика, вынесли и её. Кукла невольно обернулась, задержавшись у витрины – точно. Улица сильно изменилась, да и магазин стал намного больше, но это было то самое место. Потянуло войти туда, Лина даже коснулась ручки двери, но что-то вдруг её остановило. Ей вдруг показалось – наверное, с этими яркими лампами и красочными стенами здесь уже не было места прежнему уюту и душевности. С полка из-за стекла на неё взирали разноцветные новые игрушки, которых она раньше не видела – только временами замечала рекламу в телефоне у Жени.

Кукла замялась, отпуская ручку двери.

– Хочешь зайти? – весело прозвучало у самого её уха. Лина вздрогнула, посмотрела на маму Жени. Вдруг как-то смутилась. Вряд ли в таком возрасте дети сейчас играли с игрушками. Действительно, что ей тут делать?

– Я просто... – она спешно пыталась придумать какую-то отговорку, но Анна не пыталась её поддеть – не заметив заминки, она толкнула дверь вместо неё.

– А пойдём, – на лице у неё была такая улыбка, что нельзя было не улыбнуться в ответ. Что ж, в конце концов, Лине было нужно знать правду наверняка.

Они вошли. Бывшая кукла скользнула взглядом по стройным рядам стеллажей. Старого шкафа с покосившимися полками, где она когда-то сидела, уже не было. Люди вокруг были другие. Даже голоса детей изменились. Изменилась музыка, и...

И все вокруг *молчали*. Она ловила на себе взгляды игрушек – но они не были живыми. Пустыми, стеклянными или пластиковыми, будто бы совсем бездушными. Самое странное – теперь она скорее могла почувствовать взгляд человека, а не игрушки. И её от этого не парализовало. Лина была свободна.

Но одинока в этой пёстрой толпе, в которой раньше легко нашла бы себе друзей.

Она прошла мимо полка. Медленно, что-то поддакивая заметно повеселевшей Анне, и старательно вглядываясь в каждую пушистую мордочку и пластиковое лицо. Ни единого движения, ни одного постороннего звука. Её видели и слышали все, а Лина не могла услышать ничьих голосов. От её взгляда парализовало каждого, как будто она никогда и не была куклой.

Неужели, это навсегда?..

– О, помнишь, как мы однажды вырастили подсолнух из такой банки? – спросила Анна, приближаясь к стенду с маленькими жестяными баночками, будто с газировкой. Лина машинально кивнула – она не помнила, но, видимо, Женя действительно когда-то этим занималась. Может быть, горшочек стоял на кухне? – Смотри, тут есть роза и лаванда. Хочешь, попробуем снова? – в голосе зазвучала надежда. Лина встрепенулась, услышав это. Точно. Быть хорошим человеком, если уж теперь она плохая кукла.

Она кивнула. Анна, враз омолодившаяся немного наивной улыбкой до «Ани», притянула её за руку выбирать баночки с семенами.

Они вернулись домой ещё спустя пару часов. Весёлые, уставшие, но усталость эта была приятной. В пакетах у них были разные сладости и две жестяные баночки с семенами и землёй, они без умолку обсуждали то, что сегодня успели сделать и попробовать: начиная с речки и заканчивая мягкими шоколадными вафлями. Казалось, этот день будет длиться вечно – такой же радостный и светлый, как и их беседы.

Но вот наступил момент, когда им пришлось переступить порог квартиры. Лина, всё ещё готовая смеяться вместе, вошла первой, и обернулась на Анну, когда та вдруг умолкла. Она неуверенно оглядывалась, чуть хмурилась, тихо опуская на пол пакеты с покупками. Кукла уже открыла рот, чтобы задать очередной несвоевременный вопрос, но до неё вдруг дошло. На этот раз – вовремя. Отца Жени всё ещё не было дома – и судя по тому, как нервно сжимала в руке свой телефон Анна, на сообщения он тоже не отвечал.

Этого было мало. Погулять, уйти из опустевшего дома – недостаточно. Всё равно всегда приходилось возвращаться. Но что ещё может сделать Лина? Чем она может порадовать? В её ли это вообще силах?

– Мам? – голос её прозвучал беспомощно. Неудивительно, ведь даже привыкшей быть человеком Жене было не так уж много лет.

– Я позвоню, – отведя взгляд в сторону, сказала Анна. Она старалась казаться сильной. Но для чего? Зачем была нужна эта ложь её дочери? Зачем она была нужна Лине? Маленькой, глупой кукле, которая пока ещё так мало понимала сложные чувства людей. Которая не могла помочь сама себе вернуть всё на свои места. Вернуть счастливое беззаботное прошлое, когда...

Лина моргнула, глядя прямо перед собой. Да, она не могла заставить отца Жени вернуться домой – хотя попробовать написать ему пару сообщений стоило. И не в её силах было изменить это странное решение Сказочника, поместившего её в человеческое тело. Но кое-что она могла сделать – если не вернуть прошлое, то хотя бы напомнить о нём. Вдруг это поможет? Сегодня у неё в груди появилось это странное чувство, когда она увидела знакомый магазин. Ей не удавалось точно определить, каким именно было это чувство – но точно не болезненным. Пусть и стало тоскливо от того, что ни с кем из соплеменников у неё не было возможности поговорить, но она всё же была благодарна маме Жени за то, что та предложила ей зайти. Сама того не зная, она подарила ей лёгкое и приятное тепло где-то внутри – гордость, что ли, за свой первый дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.